

Богданъ Бронницынъ

РУСКІЯ
НАРОДНЫЯ
СКАЗКИ

1838

0+

Богданъ Бронницынъ
Рускія народныя сказки

«ЛитРес: Самиздат»

1838

Бронницынъ Б.

Рускія народныя сказки / Б. Бронницынъ — «ЛитРес: Самиздат»,
1838

Сборник русских народных сказок, собранных Богданом Бронницыным.
Оцифровка издания 1838 года с сохранением оригинальной дореволюционной
орфографии. Книга подготовлена группой «Цифровой Раритет».

Содержание

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ	5
КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ	6
I. СКАЗКА о ВАСИЛИСЪ, ЗОЛОТОЙ КОСЪ, НЕПОКРЫТОЙ КРАСЪ, И ОБЪ ИВАНЪ ГОРОХЪ.	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, 13 Декабря 1837 года,

Ценсоръ *П. Корсаковъ*.

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ

Много писали и говорили о пользѣ собиранія народныхъ сказокъ, сохраняющихъ въ себѣ черты народныхъ свойствъ, повѣрье, поговорокъ и тѣхъ особенностей, которыя составляютъ собственность каждаго языка и народа. Между собирателями Русскихъ сказокъ, почетное мѣсто принадлежитъ *Чулкову*, сохранившему намъ знаменитую старинную сказку о *Васильѣ Богуслаевичѣ*. Сказка эта заслужила вниманіе Императрицы Екатерины Великой, передѣлавшей ее въ оперу, и еще недавно расхвалена иностранными писателями по Французскому переводу, несовершенно передающему ея красоты. Сказки *Луганскаго* привлекательны по игривой веселости и живому, мастерскому выраженію Русскаго народнаго остроумія. Сказки, еще прежде изданныя подъ названіемъ: *Лекарства отъ задумчивости* и *Дядушкиныхъ прогулокъ*, представляютъ собраніе извѣстнѣйшихъ Русскихъ сказокъ во всей первобытной простотѣ ихъ и безыскусственности, что имѣетъ большое достоинство, если не для всѣхъ читателей, то для знатоковъ Словесности.

Сказки, собранныя мною, записаны со словъ хожалаго сказочника, крестьянина изъ Подмосковной, которому рассказывалъ старикъ, отецъ его. Въ нихъ замѣчательнъ складъ сказа, представляющаго по большей части сборъ разномѣрныхъ Русскихъ стиховъ. Самое содержаніе сказокъ мнѣ показалось любопытнымъ, представляя изобрѣтательность воображенія при всей простотѣ народной рѣчи.

Богданъ Бронницынъ.

І. СКАЗКА о ВАСИЛИСѢ, ЗОЛОТОЙ КОСѢ, НЕПОКРЫТОЙ КРАСѢ, И ОБЪ ИВАНѢ ГОРОХѢ.

Жиль былъ царь Свѣтозарь. У него у царя было два сына, и красавица дочь.

Двадцать лѣтъ жила она въ свѣтломъ теремѣ; любовались на нее царь съ царицею, еще мамушки и сѣнныя дѣвушки; но никто изъ князей и богатырей не видалъ ея лица, а царевна-краса называлась Василиса *золотая коса*; никуда она изъ терема не ходила, вольнымъ воздухомъ царевна не дышала.

Царевна рвала цвѣточки лазоревые; отошла она немного отъ мамушекъ; въ молодомъ умѣ осторожности не было; лице ея было открыто, красота безъ покрова..... Вдругъ поднялся сильный

вихрь, какого не видано, не слыхано, людьми старыми не запомнено; закрутило, завертѣло; глядь – подхватилъ вихоръ царевну; понеслась она по воздуху. Мамки вскрикнули, ахнули; бѣгутъ, оступаются, во всѣ стороны мечутся, но только и увидѣли, какъ помчалъ ее вихоръ, и унесло Василису, золотую косу, черезъ многія земли великія, рѣки глубокія, черезъ три царства въ четвертое, въ область Змѣя-Лютаго.

Мамки бѣгутъ въ палаты, слезами обливаются, царю въ ноги бросаются: Государь! не повинны въ бѣдѣ, а повинны тебѣ; не прикажи насъ казнить, прикажи слово молвить: вихрь унесъ наше солнышко, Василису-красу, золотую косу, и невѣдомо куда. – Все рассказали какъ было. Опечалился царь, разгнѣвался, а и въ «гнѣвѣ бѣдныхъ помиловаль». Вотъ на утро князья и королевичи въ царскія палаты наѣхали, и видя печаль – думу царскую, спросили его, что случилось?

Грѣхъ надо мною! сказалъ имъ царь: вихремъ унесло мою дочь дорогую, Василису, косу золотую, и не знаю куда. Раскажалъ все, какъ было.

Пошелъ говоръ межъ пріѣзжими, и князья и королевичи подумали, перемолвились, не отъ нихъ ли царь отрекается, выдать дочь не рѣшается; бросились въ теремъ царевны; нигдѣ не нашли ее.

Царь ихъ одарилъ, каждого изъ казны надѣлилъ; сѣли они на коней, онъ ихъ съ честію проводилъ; свѣтлые гости откланялись, по своимъ землямъ разѣхались. Два царевича молодые, братья удалые Василисы, золотой косы, видя слезы отца, матери, стали просить родителей: отпусти ты насъ, государь отецъ, благослови, государыня матушка, вашу дочь, а нашу сестру отыскивать. Сыновья мои милые, дѣти родимыя, сказалъ царь невесело, кудажь вы поѣдете?

Поѣдемъ мы, батюшка, вездѣ, куда путь лежитъ, куда птица летитъ, куда глаза глядятъ; авось мы и сыщемъ ее!

Царь ихъ благословилъ, царица въ путь снарядила; поплакали, разстались. Ъдутъ два царевича, близко ли путь, далеко ли, долго ль въ ѣздѣ, коротко ли, оба не знаютъ.

Ъдутъ годъ они, ѣдутъ два, проѣхали три царства, и синѣются, виднѣются, горы высокія, между горъ степи пещаныя: то земля Змѣя-Лютаго; и спрашиваютъ царевичи встрѣчныхъ: не слыхали ли, не видали ли, гдѣ царевна Василиса, золотая коса? И отъ встрѣчныхъ въ отвѣтъ имъ: мы ее не знали, гдѣ она – не слыхали. Давъ отвѣтъ, идутъ въ сторону.

Подѣзжаютъ царевичи къ великому городу; стоитъ на дорогѣ предряхлый старикъ, и кривой и хромой, и съ клюкой, и съ сумой, проситъ милостыни.

Приостановились царевичи, бросили ему деньгу серебряную, и спросили его: не видалъ ли онъ гдѣ, не слыхалъ ли чего о царевнѣ Василисѣ, *золотой косѣ, непокрытой красѣ*?» Эхъ, дружки, отвѣчалъ старикъ, зная, что Вы изъ чужой земли! Нашъ правитель Лютый-Змѣй запретилъ крѣпко на-крѣпко толковать съ чужеземцами. Намъ подѣ страхомъ заказано гово-

рить, пересказывать, какъ пронесъ мимо, города вихрь – царевну прекрасную. Тутъ догадались царевичи, что близко сестра ихъ родимая; рьяныхъ коней понукають, къ дворцу подъѣзжаютъ; а дворець тотъ золотой, и стоитъ на одномъ столбѣ, на серебряномъ, а навѣсь надъ дворцемъ самоцвѣтныхъ каменьевъ, лѣстницы перламутровыя, какъ крылья въ обѣ стороны расходятся, сходятся. На ту пору Василиса прекрасная смотритъ въ грусти въ окошечко, сквозь рѣшетку золотую, и отъ радости вскрикнула, братьевъ своихъ вдалькѣ распознала, словно сердце сказало, и царевна тихонько послала ихъ встрѣтить, во дворець проводить. А Змѣй-Лютый въ отлучкѣ былъ. Василиса прекрасная береглася, боялася, чтобы онъ не увидѣлъ ихъ; лишь только вошли они, застоналъ столбъ серебряной, расходились лѣстницы, засверкали всѣ кровельки, весь дворець сталъ повертываться, по мѣстамъ передвигиваться. Царевна испугалась, и братьямъ говорить: Змѣй летитъ! Змѣй летитъ! отъ того и дворець кругомъ перевертывается. Скройтесь, братья! Лишь сказала, какъ Змѣй-Лютый влетѣлъ, и онъ крикнулъ громкимъ голосомъ, свиснулъ молодецкимъ посвистомъ: кто тутъ живой человѣкъ?

Мы, Змѣй-Лютый, не робѣя отвѣчали царевичи, изъ родной земли, за сестрой пришли.»

А! это вы, молодцы! вскрикнулъ Змѣй, крыльями хлопая. Не зачѣмъ бы вамъ отъ меня пропадать, здѣсь сестры искать; вы братья ей родные, богатыри, да небольшіе.

И Змѣй подхватилъ на крыло одного, ударилъ имъ въ другаго, и свиснулъ и гаркнулъ. – Къ нему прибѣжала дворцовая стража, подхватила мертвыхъ царевичей, бросила обоихъ въ глубокий ровъ. Залилась царевна слезами. Василиса, коса золотая, ни пищи, ни питья не принимала, на свѣтъ бы глядѣть не хотѣла; дня три и четыре проходятъ, ей не умирать стать, умереть не рѣшилася: жаль красоты своей; голода послушала, на третій покушала.

А сама думу думаетъ, какъ бы отъ Змѣя избавиться, и стала вывѣдывать ласкою: Змѣй-Лютый, сказала она; велика твоя сила, могучъ твой полетъ, неужели тебѣ сопротивника нѣтъ?

Еще не пора, молвилъ Змѣй, на роду моемъ написано, что будетъ мнѣ сопротивникъ: *Иванъ Горохъ*, и родится онъ отъ горошинки.

Змѣй въ шутку сказалъ, сопротивника не ждалъ. Надѣется сильный на силу, а и шутка находить на правду. Тосковала мать прекрасной Василисы, что нѣтъ вѣсточки о дѣтяхъ; за царевною царевичи пропали. – Вотъ пошла она однажды разгуляться, въ садъ съ боярынями. День былъ знойной; пить царица захотѣла.

Въ томъ саду, изъ пригорка, выбѣгала струею ключевая вода, а надъ ней былъ колодезь бѣломраморный.

Зачерпнувъ золотымъ ковшомъ воды чистой какъ слезинка, царица пить поспѣшила, и вдругъ проглотила съ водою горошинку.

Разбухла горошинка, и царицѣ тяжелешенько; горошинка ростетъ да ростетъ, а царицу все тягчить да гнететъ. Прошло нѣсколько времени, родила она сына; дали ему имя Иванъ Горохъ, и ростетъ онъ не по годамъ, а по часамъ, гладенькой, кругленькой; глядитъ, усмѣхается; прыгаетъ, выскочить, да въ песокъ онъ катается, и все прибываетъ въ немъ силы, такъ что лѣтъ въ десять сталъ могучъ богатырь. – Началъ онъ спрашивать царя и царицу, много ли было у него братьевъ и сестеръ, и узналъ, какъ случилось, что сестру вихрь унесъ, невѣдомо куда. – Два брата отпросились отыскивать сестру, и безъ вѣсти пропали.

Батюшка! матушка! просился Иванъ Горохъ, и меня отпустите, братьевъ и сестру отыскать благословите. – Что ты, дитя мое? въ одинъ голосъ сказали царь и царица, ты еще зеленехонекъ, молодехонекъ; братья твои пошли да пропали; и ты, какъ пойдешь, пропадешь. – «Авось не пропаду! сказалъ Иванъ Горохъ, а братьевъ и сестры доискаться хочу.» Уговаривали и упрашивали сына милаго царь съ царицею но онъ просится, всплачетъ, взмолится; въ путь дорогу снарядили, со слезами отпустили. Вотъ Иванъ Горохъ на волѣ, выкатился въ чистое поле; ѣдетъ онъ день, идетъ другой, къ ночи въ лѣсъ темный вѣзжается. Въ лѣсу томъ избушка на курьихъ ножкахъ отъ вѣтра шатается, сама перевертывается. – По старому присловью, по мамкину сказанью: «Избушка, избушка, молвилъ Иванъ, подувъ на нее, стань къ лѣсу задомъ,

ко мнѣ передомъ!» – И вотъ повернулась къ Ивану избушка, глядитъ изъ окошка сѣдая старушка и молвить: кого Богъ несетъ? Иванъ поклонился, спросить торопился: «Не видала ли бабушка вихря залетнаго? въ какую онъ сторону уносить красныхъ дѣвицъ?»

– Охъ, охъ молодецъ! отвѣчала старуха покашливая, на Ивана посматривая; меня тоже напугалъ этотъ вихоръ, такъ что сто двадцать лѣтъ я въ избушкѣ сижу, никуда не выхожу: неравно налетитъ, да умчитъ; вѣдь это не вихоръ, а Змѣй-Лютый! – «Какъ бы дойти къ нему?» спросилъ Иванъ. – Что ты, мой свѣтъ, Змѣй проглотитъ тебя! – «Авось не проглотитъ!» – Смотри, богатырь, головы не спасти; а если вернешься, дай слово изъ змѣиныхъ палатъ воды принести, которою всплеснешься-помолодѣешь, примолвила она, черезъ силу шевеля зубами. – «Добуду, принесу, бабушка, слово даю.» – Вѣрю на совѣсть твою, Иди же ты прямо, куда солнце катится; черезъ годъ дойдешь до Лисей горы; тамъ спроси, гдѣ дорога въ Змѣиное царство. – «Спасибо, бабушка.» – Не на чѣмъ, батюшка. – Вотъ Иванъ Горохъ пошелъ въ сторону, куда солнце катится. Скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается. Прошелъ онъ три государства, дошелъ и до Змѣинаго царства. Передъ городскими воротами увидѣлъ онъ нищаго, хромаго, слѣпаго старика съ клюкой, и подавъ милостыню, спросилъ его, нѣтъ ли въ томъ городѣ царевны молодой, Василисы, косы золотой! – «Есть, да не велѣно сказывать,» отвѣчалъ ему нищій. Иванъ догадался, что сестра его тамъ. Добрый молодецъ смѣлъ, прибодрился, и къ палатамъ пошелъ. На ту пору Василиса краса, золотая коса, смотреть въ окошко, не летитъ ли Змѣй-Лютый, и примѣтила издалека богатыря молодого, знать объ немъ пожелала, тихонько развѣдать послала: изъ какой онъ земли, изъ какого онъ рода, не отъ батюшки ли присланъ, не отъ матушки ль родимой?

Услышавъ, что пришелъ Иванъ, братъ меньшей, (а царевна его и въ лицо не знавала) Василиса къ нему подбѣжала, встрѣтила брата со слезами. «Бѣги поскорѣе, закричала; бѣги, братецъ, – скоро Змѣй будетъ; – увидитъ, погубитъ!»

«Сестрица любезная! отвѣчалъ ей Иванъ, не ты бы говорила, не я бы слушалъ. Не боюсь я Змѣя и всей силы его.» – Да развѣ ты, Горохъ? спросила Василиса, коса золотая, чтобъ сладить съ нимъ могъ? – «Погоди, другъ сестрица, прежде напой меня; шель я подъ зноемъ, приусталь я съ дороги, такъ хочется пить!» —

– «Что же ты пьешь, братецъ?» – По ведру меду сладкаго, сестрица любезная.

Василиса, коса золотая, велѣла принести ведро меду сладкаго, и Горохъ выпилъ ведро за одинъ разъ, однимъ духомъ; попросилъ налить другое!

Царевна приказать торопилась, а сама смотрѣла, дивилась. – Ну, братецъ, сказала, тебя я не знала, а теперь повѣрю, что ты Иванъ Горохъ. – «Дай же присѣсть немного, отдохнуть съ дороги.»

Василиса велѣла стулъ крѣпкій придвинуть, но стулъ подъ Иваномъ ломается, въ куски разлетается; принесли другой стулъ, весь желѣзомъ окованный, и тотъ затрещалъ и погнулся. – «Ахъ, братецъ, вскричала царевна, это стулъ Змѣя-Лютаго.» – Ну, видно я потяжеле, сказалъ Горохъ усмѣхнувшись; всталъ и пошелъ на улицу, изъ палатъ въ кузницу. И такъ заказалъ онъ старому мудрецу, придворному кузнецу, сковать посохъ желѣзной, въ пять сотъ пудъ. Кузнецы за работу взялись, принялись, куютъ желѣзо; день и ночь молотами гремятъ, только искры летятъ, черезъ сорокъ часовъ былъ посохъ готовъ. Пятьдесятъ человѣкъ несутъ, едва ташутъ, а Иванъ Горохъ взялъ одной рукой, бросилъ посохъ вверхъ. Посохъ полетѣлъ, какъ гроза загремѣлъ, выше облака взвился, изъ вида скрылся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.